

УДК 130.2
ББК 71

А.М. АЛЕКСЕЕВ-АПРАКСИН

ВСЕДИНСТВО И ВСЕРАЗЛИЧИЕ

Анализируются проблемы межкультурного взаимодействия. Рассматриваются исследовательские подходы, осуществляемые в парадигме «Запад—Восток». Определяются преимущества и недостатки — интеграционных и различающих подходов. Уточняется культурно-философское значение понятия «всеизличие». Проводится ряд компаративных сопоставлений западных и восточных (небиблейских) культур. Утверждается, что различающий интерес к Другому — это прямой путь к самопознанию. Делается вывод, что тектонические культурные сдвиги современности требуют усилий в понимании сохраняемых на Востоке альтернатив. Для глобального развития мира значимы заинтересованное обнаружение культурных несовпадений и разумный подход к заимствованиям. Только в осознанном синтезе, умножающем мир при помощи всеизличия, возможна взаимно обогащающая интеграция народов и культур. Предполагая, что цель этой общей работы — достижение всеединства, следует помнить, что речь может идти лишь о таком единстве, которому присуща как полная взаимопроницаемость, так и полная взаиморазличность всех составляющих его элементов.

Ключевые слова: взаимодействие культур, глобализация, синтез культур, Восток—Запад.

Подавляющее большинство исследований культуры, осуществляемых в парадигме «Запад—Восток», ведется в двух направлениях: поиски общего, универсального, общечеловеческого, в пределе — всеединства; обнаружение различий, специфики, уникальности, в пределе — всеизличия. Первое направление движется анализом возможности и режимов культурного синтеза.

КУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Поддерживающие его мыслители настаивают на необходимости ведения «диалога». Налаживания «взаимодействия». То есть находятся в поиске возможностей для «интеграции» народов и разработки сценариев и программ культурного сближения. Исследования, осуществляемые в этом направлении, весьма многоплановы: они касаются разных сфер, учитывают специфику разных культур, носят и теоретический, и прикладной характер. Однако главное остается невыясненным. Есть ли пределы культурного сближения? Существуют ли границы разумного синтеза? И что, додумывая этот процесс до конца, мы мыслим в пределе: персоналистский хаосмос¹ или унификацию (говоря языком техническим — приведение культурной жизни к наименьшему числу свойств и типозамеров) или возможно что-то другое?

Фактически интеграция народов мира сегодня осуществляется по западным образцам и сценариям. Стандартизации подвержены образование, сфера искусства и наука, рекреационная индустрия, юриспруденция и промышленность, etc. Так удобнее торговать и администрировать. В этом нет сомнений. Однако плата за это удобство и эффективность — гомогенизация культуры и, как следствие, обеднение жизни каждого. Есть ли альтернатива? Есть, и она обретается в русле индийского мышления, которое в отличие от привычной формальной логики предполагает, что всё существующее может быть рассмотрено не только как «это» или «то» (и третьего не дано), но как «и то, и это», то есть не только на пути интеграции, но и всеразличия. То и другое важно. И если мысль на путях интеграции и всеединства обитает уже давно, имеет смысл поразмыслить о менее проговоренной теме. О всеразличии. Тем более что различие всегда предшествует интеграции. Ведь интеграция — это процесс воссоединения, связанность дифференцированных единиц, существование которых возможно только благодаря уже осуществленному некогда различию. Строго говоря, вычлняя нечто отдельное из тотальной неосознанной общности, именно различие дает ему шанс на существование и дальнейшую возможность более или менее успешной интеграции.

Бесспорным преимуществом различия как аналитической процедуры является простота и органичность этого действия мыслительным процессам. Многочисленные психологические исследования показывают, что найти общие свойства в разном (например, смартфоне и попугае) труднее, чем найти «десять отличий» у двух смартфонов или попугаев. То есть человеку, независимо от возраста и образовательного уровня, намного проще анализировать, чем обобщать. Транспонирование этого известного свойства человеческого ума на имеющиеся версии генезиса культуры позволяет нам вывести утверждение, что различие — это начало начал культурной одиссеи человека, когда-то постигшего свое собственное отличие от природного мира. Способность к различию и

далее (на протяжении тысячелетий) помогала людям формировать маршруты их уникального культурного развития. Со временем это привело к великой дифференциации народов и разнообразию культур. Однако помимо этой исторической роли всеразличия следует отметить, что на протяжении всей своей памятуемой и реконструируемой истории человек сохраняет способность к различию как ординар и маркер собственного культурного развития. Ведь если человек во что-то посвящен, если он в чем-то разбирается, то знает множество отличий, неведомых «профанам». Каллиграф и ткач различают 300 оттенков черного цвета. Музыкант слышит три-четыре обертоновых звука в одной ноте, извлеченной на музыкальном инструменте. То есть человек представляется тем совершенней и искусней, чем больше ему подвластно различие.

Опыт сравнения найденных различий важен, потому что это творческий, созидающий акт сознания. Пока мы не различили нечто, этого нечто как бы и вовсе не существует. Например, показали нам в детстве веточку и сказали: смотри, а вот это почка, из нее вырастит листик. И мы увидели почку, а до этого ее для нас не было. Различие с чьей-либо помощью — это еще и механизм передачи культурного наследия. Механизм, имеющий место в жизни каждого человека, различающего природные, социальные и культурные объекты. Причем различия — обнаружения никогда не бывают абстрактными, но всегда предполагают личностное включение. Это закодировано в великом и могучем трансформаторе культуры — русском языке. Ведь в отличие, например, от английского *difference*, произошедшего от латинского *differo* — откладывать, разносить, растаскивать [2, с. 325], мы, русскоязычные люди, сразу вычлняем в слове «различие» «лик», «личное». Это свидетельствует о том, что различаем мы не только «это с тем», но также «себя с другим» и «себя с собой». Можно даже утверждать (как это делают авторы «Проективного философского словаря», развивая в статье «Всеразличие» мысль Я. Абрамова), что чем больше различий в мире, тем полнее является в нем образ личности. «Личность — это различие, из себя происходящее и себя производящее, единство Различающего и Различаемого, и потому она действительно является тем основанием, из которого могут быть выведены все другие основания в их различии между собой» [3, с. 54—55].

Различая и сравнивая культуры (и это особенно четко проявляется на координате Запад—Восток), мы встречаем такие представления и практики, которые принципиально не совпадают. Запад, например, культивирует молодость. Она ассоциируется со свежестью, энергией, перспективой развития. Восток же почитает старину и старших, в свою очередь, культивируя опыт, заслуги и мудрость, традиционно, воздавая почести предкам и предшественникам, как в Китае, или, как в Японии, создавая молодежные организации «почитания стариков», используя древние принципы для инноваций и т. п. Человек, проживший долгую славную жизнь, в глазах восточного человека ценнее, чем ничем еще не отличившийся добрый молодец, а тем более младенец. Не отсюда ли попытки во время экономических

¹ Термин введен Дж. Джойсом («Поминки по Финнегану») как продукт контаминации понятий «хаос», «космос» и «космос». О персонализме см.: [1, с. 325].

кризисов ограничивать рождаемость на Востоке и популяризовать эвтаназию для старых и больных на Западе? Несовпадениям несть числа. Креация или эволюция, буквы или иероглифы ... На этом основании восточные и западные культуры по сей день объявляются противоположными, порою вовсе непостижимыми друг для друга. Однако думается, что это ошибочные суждения, поскольку каждый культурный регион, обладая множеством специфических качеств (возникших как неслучайное различие), никогда не может быть противоположен другому. Он лишь отличается, причем нередко по формальным признакам. Ведь, говоря о высоком и низком, горячем и холодном, духовном и материальном, мы (мысля противоположности) оперируем абстракциями. Но как только мы начинаем использовать эти абстракции в познании и описании мира и культурных феноменов, противоположность тут же исчезает. Высокая и низкая башни, горячий и холодный бульон не противоположны друг другу, у них масса общих признаков. А если речь идет о бронзовой статуе танцующей дакини или дубовой доске с иконическим изображением святого, противоположность вообще улетучивается, поскольку все это и духовно, и материально одновременно. В этой связи многие современные мыслители вообще отказываются от использования таких понятий, как духовная и материальная культура. Ведь ожидаемой в этой паре противоположности в реальной жизни не сыскать. Впрочем, тождества в ней так же не обнаруживаются. Даже конвейерное производство и штамповка не дают нам идеального повтора. Специалист легко отличит копию от оригинала, пятый оттиск с литографского камня от тридцатого, найдет отличия даже у двух одинаковых торшеров из магазина ИКЕА. Окружающий нас мир культуры не абстрактен. И если мы включены в жизненные процессы, заинтересованы в обогащении культурной реальности, это мотивирует нас не увлекаться абстракциями и не обманываться тождествами и потивоположностями, но постигать и умножать различия.

В контексте компаративного рассмотрения культур Востока и Запада следует отметить, что практика все-различия принципиально не совпадает с плюрализмом и мультикультурализмом, поскольку последние реализуются именно как неразличие. Толерантному, мультикультурному наблюдателю, как правило, безразлична суть многообразия культур. Для него есть свое (привычное, правильное) и есть иное, другое или чужое (с которым выдерживается дистанция). Впрочем, принимая во внимание, что центров возбуждения в коре головного мозга больше, чем центров удовольствия, все нестыковки с собственными культурными стереотипами человек, как правило, склонен интерпретировать в негативном ключе. То есть безразличие — это лучшее, что может произойти при встрече с несовпадениями. Некто, например, увидел человека, растянувшегося в полный рост на газоне, и ему это кажется неприличным. А человек в этот момент, может быть, священнодействует — совершает простираения или намаз. Однако толерантному наблюдателю нет до этого дела. Он отводит глаза и не пытается различить, проявить участие. Он не вмешивается, даже если это не намаз, а

плохое самочувствие. Его это не волнует, а если и волнует, то лишь как неприличное, неадекватное поведение. С эстетической, нормативной и юридической точек зрения мультикультурный плюралист-автохтон, возможно, прав, но он определенно не добр и не тактичен. Он равнодушен ко всему, что не приносит личной пользы, избегает того, что хлопотно и не комфортно, и безразличен к тому, что по сути своей глубоко различно.

Если признать, что культура — это «мотивированная деятельность человека, осуществляемая от первого лица в результате свободного волеизъявления» [4, с. 13], то поиск различий следует трактовать как установку на творческое освоение жизни. Ведь это попытка как-то направить изнутри становление реальности, пережить событие, сделать умозаключение, вывод, узнать что-то новое, умножить реальность. Все это отличает различающую позицию не только от плюрализма, но и от его противоположности — монизма (в том числе и становления глобального единокультурия), всегда реализующегося как навязанное, насильственное равенство, подчиняющее всех единой системе принятых представлений, то, чем порою подменяется понятие «всеединство». Стало быть, позиция культурного всеразличия превосходит и одно, и другое, поскольку она неравнодушна и ненасильственна. Суть различающего подхода в соучастии, в культуротворческой деятельности. Эта работа делает реальность многообразней, но разве не для расширения собственного горизонта, собственного диапазона возможностей мы обращаемся к другим культурам?

В отношении культурных различий наблюдается еще одна закономерность — чем различия радикальнее, тем они притягательнее и интереснее. Видимо поэтому российских исследователей-компаративистов так волнуют индийские, японские, китайские, монгольские традиции. Сравнивая культуру Швеции и Норвегии, Питера и Москвы, мы, разумеется, также обнаружим их специфику на оси «Запад—Восток». Однако эвристическая сила здесь оказывается не столь значительна, как в ситуации сравнения регионов, которые имеют фундаментальные отличия культурного бытия. Из этого можно вывести, что контакты между народами с наименьшим совпадением культурных кодов, встреча с принципиально иными содержаниями и формами организации культурных параметров обеспечивает нам (чувствительным к различию реципиентам) наибольшие возможности как для вычленения собственного своеобразия, так и для обнаружения необходимых дополнений для себя, для собственной культуры. Иными словами, различающий интерес к другому — это прямой путь к самопознанию. Другой открывает нам путь к себе.

И что важного видим на Востоке мы, люди, по большей части обладающие специфической биографией, получившие материалистическое образование, привыкшие мыслить по преимуществу в предметно-вещных ассоциациях? «Паломничая на Восток», мы обнаруживаем «реальность», которая не находит адекватного отражения в привычной нам картине мира, не схватывается наукой, нигде не фиксируется, но при этом во всем присутствует.

Мы находим ее в бхакти, агни, в адвайта—веданте, в Дао и Дэ, в Дзэн, в Махамудре и Дзогчен. Что это? Как это объективно измерить? Где та мера, которая может измерить устойчивую невозмутимость несозданного или хотя бы просто эмоциональную включенность человека, форму его присутствия в моменте, его особую стать? Ценно ли это для нас, или все это следует изгнать как ненаучное?² Хорошо хоть в формате философии и культурологии мы еще можем обращаться к этой реальности, всегда новой, трудноуловимой. Мы ее определенно переживаем и знаем, что она участвует во всех делах. Например, смотрим на работающего человека: все делает профессионально, но видно, что без любви, без самоотдачи. Результат такого труда никогда не будет выдающимся. В понимании этой сферы Восток нередко оказывается куда более современным и даже технологичным (наличествуют терминология, обоснование и психотехники). Именно Восток позволяет всерьез рассуждать о том, что в рамках научного мейнстрима, в лучшем случае, принято считать лишь интеллектуальными маргиналиями.

Нельзя забывать, что Восток и Запад сегодня более-менее на равных участвуют в становлении глобализма. Однако, как бы мы ни удрежняли свою историю, встреча современных Востока и Запада — это встреча миров, разных по возрасту. При всем сходстве направления на синтез, они и в подходах к глобализации оказываются разными. Ведь даже представления об успехе («на фронтах» той же глобализации) в восточных и западных странах различны. Западный успех — это достижение личных целей, одержание победы над другими. Восток же мотивирован иначе: благодаря отсутствию противоречий «индивид—коллектив» он обретает успех на пути растворения личности в семье, природе, космосе. Согласно традиционным представлениям, человеку не принадлежит даже его собственное тело. «Оно является собственностью семьи, корпорации, императора» [5, с. 342]. В восточной версии (буддийской) тело человека и речь — это инструменты для принесения блага «всем живым существам». Причем акцент здесь делается на то, что собственное развитие человека возможно лишь через сочувственную помощь другим, через служение. Резонен вопрос, дорого ли стоит наше чувство собственного превосходства перед лицом Востока, культивирующего способность переживать проблемы другого как свои собственные. Если западные страны движутся соревновательным агонем и жаждой победы над другими, то в культурах небиблейского Востока даже воин говорит: «Я не ведаю победы над другими, я следую пути победы над собой»³ [6, с. 37]. Этого же принципа

Восток придерживается и в вопросах воспитания (успехи или неудачи ребенка сравниваются не с успехами или неудачами других детей, но с его собственными). Приводимые примеры — не курьезы и не исторические изыски. Они демонстрируют ряд базовых установок, которые пронизывают все сферы восточного мировосприятия и культурной организации. В них содержатся ответы на вопросы: почему за короткий срок перейти из разряда стран «развивающихся» в разряд «передовых» удалось лишь странам с буддийской культурой? Почему после природных катастроф или катастрофы на атомной станции Фукусима в Японии не было зафиксировано ни одного случая мародерства? Распространенная на Востоке кармическая этика различает соблюдение этических кодексов и силу осуществления «пути». К слову сказать, в буддизме и адвайта веданте (использующих данную терминологию) практика всеразличия является одной из ключевых. Она трактуется как ментальное событие, способное трансформировать человеческие желания в различающую мудрость. В этих учениях также утверждается, что различие есть необходимая основа для пробуждения сознания. Персонифицируясь в Будде Амитабхе, всеразличие обуславливает мудрость и овладение всеми без исключения объектами познания, то есть познание и специфических, и общих характеристик мира.

Размышления о глобальных культурных процессах (сталкивающих несовпадающие культурные коды Запада и Востока), осуществляемые в контексте спекулятивного разбора понятий «всеединство» и «всеразличие», подытожим следующими умозаключениями. Тектонические культурные сдвиги современности обуславливают необходимость приложения усилий с целью понимания сохраняемых на Востоке альтернатив. Для глобального развития мира значимы заинтересованное обнаружение культурных несовпадений и разумный подход к заимствованиям. Только в осознанном синтезе, «умножающем» мир при помощи всеразличия, возможна взаимно обогащающая интеграция народов и культур. Предполагая, что цель этой общей глобальной работы есть достижение всеединства, нельзя забывать, что речь может идти лишь о таком единстве, которому присуща как полная взаимопроникнутость, так и полная взаиморазличность всех составляющих его элементов.

Список литературы

1. Сурова Е.Э. Глобальная эпоха: полифония идентичности. — СПб.: «Осипов»; Центр изучения культуры, 2005.
2. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Русский язык, 1976.
3. Проективный философский словарь. Новые термины и понятия. Серия «Тела мысли» / под ред. Г.Л. Тульчинского и М.Н. Эпштейна. — СПб.: Алатая, 2003.
4. Алексеев-Апраксин А. М. Восток в культуре Петербурга: автореф. дис. ... д-ра культурологии. — СПб., 2011.
5. Мещеряков А. Н. Статья японцем. — М.: Наталис, 2014. — 432 с. — (Сер.: Восточная коллекция).
6. Хагакурэ. Сокрытое в листе. — М.: Эксмо, 2004.

² Для этого создан специальный институт — Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований, которая в 1998 году была учреждена при Президиуме Российской академии наук. Эта организация вырабатывает рекомендации Президиуму РАН по спорным научным вопросам и занимается публичной критикой лже-, псевдо- и паранауки.

³ В переводе А. Боченкова и В. Горбатько: «Я не знаю способа, как побеждать других, но лишь способ победить себя».